

— В общем, спасибо тебе, — Янь Жунцю сжал плечи, защищаясь от холода. — Спасибо за поздравления и спасибо, что сегодня вышел на сцену.

Хэ Чжу медленно покачал головой.

Ему не нужны «спасибо» от Янь Жунцю. Никогда.

Более того, он считал, что это ему самому следовало в день рождения этого человека выразить самые искренние благодарности.

Благодарность за то, что он родился на этом свете.

Думая так, Хэ Чжу шагнул вперёд и снова крепко обнял его — руки по-прежнему были согнуты вверх дугой, одна ладонь как раз охватывала его лопатку.

Только на этот раз он мягко и быстро отпустил.

— Подарок, — Хэ Чжу, не слушая возражений, взял руку Янь Жунцю и вложил в белоснежную ладонь чёрную бархатную коробочку.

— Не нужно...

— Открой.

Твёрдый, не допускающий отказа тон.

Бледные кончики пальцев немного помедлили, но всё же приподняли крышку. На чёрной бархатной подушке переливался мягкий тёплый свет, на ней покоилась изысканно выполненная брошь.

Дизайн был весьма своеобразный, с первого взгляда видно — уникальный дизайнерский экземпляр, в целом задуманный как свежая цветущая ветвь — цветы изящные и элегантные, живописные, словно источающие лёгкий аромат, инкрустированные огранённые «огненным цветком» драгоценные камни даже в темноте струили уютный и мягкий свет, подобный закату.

Из-за одержимости Вэнь Линсинь твёрдой красотой и неизменностью драгоценностей, Янь Жунцю с детства насмотрелся на множество ценных редких вещей. А эта брошь в руках определённо превосходила обычный коллекционный уровень, одни только использованные неогранённые камни стоили целое состояние, не говоря уже о великолепнейшем мастерстве исполнения.

— Это османтус душистый, цветы, распускающиеся осенью.

Вероятно, не желая оставлять Янь Жунцю ни малейшей возможности для вежливого отказа, Хэ Чжу тут же широкими шагами направился к машине, опустил стекло, обнажив лицо, почти наполовину скрытое толстой чёрной оправой очков.

Глядя на лицо того человека, в ночи подобное распускающейся магнолии, он предельно серьёзно произнёс:

— Всё, что принадлежит осени, мне очень нравится.

Вместе с затихающим звуком двигателя задние огни машины исчезли в конце дороги.

Как раз когда Хэ Чжу уже почти доехал до дома, телефон внезапно завибрировал, на экране высветился номер, который обычно не появлялся и раз в год.

Глаза юноши за толстыми линзами очков непроизвольно потемнели.

Впрочем, ему следовало ожидать этого.

Нажав кнопку ответа, он услышал в динамике незнакомый и в то же время знакомый голос. Незнакомый из-за отчуждённости, знакомый потому что...

— Мы ведь только что виделись.

Он скривил уголок губ, вызвав безэмоциональную, холодную усмешку.

— Старший брат.

* * *

Почти неделю спустя эффект перелива от Благотворительного вечера звёзд «Гуанхуэй» всё ещё продолжался.

Акции корпорации Янь по-прежнему росли день ото дня, киностудия Чуаньюань также успешно взлетела, а ещё появилась огромная толпа шипперов, переметнувшихся на пару властный генеральный директор и его помощник — на следующий день после вечера кто-то раскопал, что тот парень в чёрном костюме за пианино — это новый помощник господина Яня, нанятый в этом году. Конечно, кроме заставляющего краснеть от просмотра пользовательского контента в отчётах о настроениях, от этого не было никакой другой пользы.

— Господин Янь, это отчёт о банкротстве и ликвидации Инли Энтертейнмент.

Хэ Чжу вошёл в кабинет генерального директора, положил документ на стол и воспользовался моментом, чтобы взглянуть на Янь Жунцю.

Янь Жунцю был в неплохом состоянии духа, его отношение к нему также не изменилось, но это и нормально, во время работы он был высокопроизводительным компьютером, лишённым эмоций.

Просто Хэ Чжу отчётливо чувствовал, что за эти несколько дней Янь Жунцю заметно осунулся: не только лицо стало ещё бледнее и прозрачнее, синяки под глазами тоже стали заметнее, худощавая фигура, закутанная в плотный чистшерстяной костюм, не только не давала ощущения тепла, а скорее напоминала завернутый в ткань кусок чистого и холодного льда.

— Вчера я случайно сварил немного больше супа из южных миндалей и снежной груши, — Хэ Чжу открыл термос, налил чашку горячего сладкого супа и протянул Янь Жунцю.

— Спасибо, — Янь Жунцю взял обеими руками, делая маленькие глотки. Суп был сладким, освежающим, пить его было очень приятно. — Сегодня тебе не нужно меня провожать, вечером у меня дела. — Он поднял глаза, взглянул на Хэ Чжу, затем снова опустил их, уставившись на суп из снежной груши в чашке.

С точки зрения Хэ Чжу, чёрные ресницы были густыми, как два ряда маленьких вееров.

— Почему вы не носите брошь, — спросил он ровным тоном, — она вам не нравится?

Янь Жунцю слегка покачал головой.

— Нет, просто не думал... вот.

Это османтус душистый, цветы, распускающиеся осенью.

Всё, что принадлежит осени, мне очень нравится.

В ушах вновь отозвались слова, сказанные Хэ Чжу той ночью, и Янь Жунцю почувствовал, как под кожей на задней части шеи то маленькое «сердечко» снова начинает беспокойно пробуждаться.

Последние несколько дней такое случалось время от времени, хотя и несерьёзно, и приступы были короткими, но этого было достаточно, чтобы вызвать у него глубокое беспокойство.

С начала периода дифференциации у его железы были проблемы с развитием. Обычно железа омеги внешне выглядит как небольшая выпуклость, а у него она была крайне незаметной, задняя часть шеи оставалась гладкой и нежной дугой, почти как у неразвившегося ребёнка. Естественно, такая железа не могла нормально выделять феромоны, на ощупь она была холодной, одеревеневшей. Будучи самой чувствительной зоной омеги, для него она была словно давно омертвевшей ненужной тканью.

Если бы не встреча с тем бесстыдным сукиным сыном три года назад, он бы почти забыл, что он омега и что у него есть такой орган.

Вспоминая того сукина сына, Янь Жунцю охватывало раздражение до дрожи. Он не знал, какие подлые и низкие уловки использовал тот мерзавец, и тем более не понимал, почему, чёрт возьми, тот именно к нему прицепился.

Такие красивые, очаровательные и физически чувствительные омеги действительно легко привлекают внимание альфа, и если как раз наступает период гона, между ними действительно могут возникнуть некоторые пикантные, заставляющие краснеть и сердце биться чаще, дела.

Но этого абсолютно не должно было и не могло произойти с ним, Янь Жунцю.

Янь Жунцю хорошо себя знал: он считал себя заурядной внешности, сурового вида и совершенно лишённым всех видов соблазнительных качеств омеги. Если говорить о самой большой привлекательности, то, наверное, это были деньги, деньги и ещё раз деньги.

Но на том банкете, куда он попал, все в основном были либо богаты, либо знатны, и тот сукин сын, кажется, не имел намерения его шантажировать или вымогать, что приводило Янь Жунцю в ещё большее недоумение, просто не давало покоя.

Неужели у того сукина сына действительно особый вкус, да ещё и пара собачьих глаз?

Если его ненормальная реакция три года назад была вызвана влиянием того сукина сына, то что означало это беспокойное тепло железы последние несколько дней?

Неужели это как-то связано с Хэ Чжу... а?

Сладкий аромат супа из снежной груши проник в нос, в нём, казалось, примешивались несколько ноток того ледяного свежего аромата из морских глубин.

Знакомый запах, исходящий от Хэ Чжу.

Янь Жунцю поставил чашку с супом и резко встал.

— Уже поздно, я пойду, ты сегодня можешь уйти пораньше.

Хэ Чжу кивнул, проводив его взглядом, когда тот покинул кабинет, затем достал телефон и набрал номер. Трубку быстро подняли.

— Сегодня вечером я свободен, — он поправил очки. — Встретимся?

* * *

Местом встречи с тем человеком была кофейня в центре города.

За панорамными окнами открывался вид на самый оживлённый и роскошный район города Чуаньюань, где собрались офисные небоскрёбы, магазины роскошных брендов, торговые центры и одна больница высшей категории. Когда зажигались огни, виднелись мерцающие точки, сверкающее море.

Хэ Чжу пришёл на десять минут раньше — это всё ещё было влиянием Янь Жунцю, раньше только другие ждали его. Он заказал себе американо со льдом и выпил примерно треть, когда тот человек наконец появился.

Дзинь-линь.

Как только тот вошёл в дверь, он мгновенно приковал взгляды всех в кофейне, обслуживающий его официант даже растерялся и покраснел.

Что и говорить, это он. Хэ Чжу помешал кофе в чашке. С детства и до сих пор он всегда был в центре всеобщего внимания, существом, которого все признавали, хвалили и любили.

<http://bllate.org/book/15591/1388592>